

DOI: 10.18721/JHSS.9301
УДК 94(47+57)“192”

БОРЬБА ЗА «НОВУЮ» МОРАЛЬ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В 1920-х ГОДАХ*

И.В. Сидорчук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цель настоящей статьи — взглянуть на проблемы борьбы за «новую» мораль в советском обществе 1920-х гг. сквозь призму жизни студентов и преподавателей Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина. Поставленные задачи решались с применением индивидуализирующего метода интерпретации исторических источников, что позволило сконцентрироваться на индивидуальном и субъективном, и метода case studies, чтобы провести выборочное исследование проблемы на отдельно взятых примерах и воспроизвести атмосферу события. По результатам исследования автор статьи пришел к выводу, что в первое послереволюционное десятилетие вузы являлись ареной конфликтов, связанных с трудностями утверждения «новой» морали, сломом традиционных укладов. При всем внимании власти к этим проблемам вместо поисков объективных причин и адекватных решений на практике их предпочитали решать путем организации кампаний или показательными наказаниями. Различные эксцессы стремились представить как попытку вылазки классового врага, хулиганство, упадочничество или мещанство. Это лишь усиливало напряженную атмосферу в стенах вузов. Результаты исследования могут быть интегрированы в ряд курсов по отечественной истории, истории и социологии образования, использованы в развитии образовательной политики государства для решения проблем, связанных с культурно-историческими причинами развития и оценками девиантного поведения.

Ключевые слова: Ленинградский политехнический институт; культура 1920-х гг.; девиации; девиантный досуг; культурная политика 1920-х гг.; мещанство; хулиганство

Ссылка при цитировании: Сидорчук И.В. Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х годах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 7–15. DOI: 10.18721/JHSS.9301

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-31-00017-ОГН «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация»).

STRUGGLE FOR A “NEW” MORALITY AT THE LENINGRAD POLYTECHNIC INSTITUTE IN THE 1920s

I.V. Sidorchuk

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The goal of this study is to examine the struggle for a new morality in the Soviet society of the 1920s from the perspective of the life of students and professors at the Kalinin Polytechnic Institute. The tasks were solved using an individualizing method of interpretation of historical sources, allowing to concentrate on the individual and subjective, and the method of case studies, allowing to conduct a sample study of the problem on individual examples and reproduce the living atmosphere of the event. As a result of the conducted research, we came to the conclusion that in the first decade after the revolution, the universities were the scene of conflicts stemming from the difficulties in accepting the new morality and from breakdown of traditional structures. Despite all the attention of the authorities to these problems, in practice they were most commonly solved by organizing campaigns or demonstrative punishments. Various incidents were typically presented as attempts of attacks of the class enemy, denounced as “hooliganism”, “decadence” or “philistinism”. Such suppression instead of searching for objective reasons and adequate solutions only increased the tense atmosphere within the walls of institutes. The results of the study can be integrated into a number of courses on national history, history of education, sociology of education, used in the development of educational policy of the state to solve problems related to cultural and historical reasons for the development and evaluation of deviant behavior.

Keywords: Leningrad Polytechnic Institute; 1920s culture; deviations; deviant leisure; 1920s cultural policy; philistinism; hooliganism

Citation: I.V. Sidorchuk, Struggle for a “new” morality at the Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 7–15. DOI: 10.18721/JHSS.9301

Введение

Границы девиантного поведения исторически и социально изменчивы: то, что в одном обществе в определенный период рассматривается как норма, в другой — как девиация. Применительно к ситуации 1920-х гг. свою роль в росте девиаций играли отход от устоявшихся норм морали, их переосмысление, активно поддерживаемое властью, стремившейся создать новых граждан для новой страны. Изменение политических и культурных реалий меняло понятие нормы и отклонения, корректировало повседневность. «Новая», большевистская мораль подчас слишком сильно дисгармонировала с традиционными ценностями, которые формировались веками. Патриархальность, гендерное неравенство, жесткая возрастная и

классовая иерархия, приемлемые и осуждаемые формы досуга и способы самореализации — всё это требовало переосмысления, причем власть подчас не давала четкого ответа на вопрос о желательном итоге этих изменений. Особое внимание в рамках культурной политики уделялось молодежи, являвшейся главным объектом невиданного в истории страны социального эксперимента. Речь шла не только о молодых пролетариях, но и о студентах — будущей советской интеллигенции, которая должна была порвать с наследием прошлого.

Постановка проблемы и цели исследования

В 1920-е гг. происходила ожесточенная борьба за пролетаризацию молодой советской высшей школы. Не только большинство

профессоров, но и значительная часть студенчества не приняла революцию. Начало десятилетия ознаменовалось борьбой «красного» студенчества с «белоподкладочниками», участием студентов в борьбе с большевизмом («студенческим Кронштадтом» 1920–1921 гг.), репрессиями и введением при деканах политических комиссаров, обычно из студентов-коммунистов [1, с. 199–200; 2; 3, с. 15]. Приток в вузы пролетариата, ограничения на поступление для «бывших», подготовка новых, идеологически преданных преподавательских кадров и другие радикальные меры приблизили власти к достижению цели, но на смену одним препятствиям приходили другие. Рост хулиганства и аморального поведения, низкий уровень жизни и более чем стесненные жилищные условия, конфликты с профессорами и подчас полная политическая несознательность, увлечение буржуазной культурой и так называемое «обмещанивание» – вот далеко не полный список проблем, которые требовали оперативного решения.

Ленинградский политехнический институт (ЛПИ), с 1924 г. носивший имя М.И. Калинина, являлся одним из ведущих научно-образовательных центров страны. Развитые техника и промышленность воспринимались большевистскими лидерами как необходимое условие построения коммунизма, залог освобождения эксплуатируемых капиталом рабочих, защиты от внешних агрессоров и реализации задач культурной революции – борьбы с религией, отсталостью, патриархатом [4, 5]. В связи с этим события в жизни института, а особенно происходившие в нем эксцессы, обсуждались далеко за пределами Лесного. При всей уникальности Политехнического института представляется вполне уместным взглянуть на проблемы борьбы за «новую» мораль в советском обществе 1920-х гг. сквозь призму жизни его студентов и преподавателей.

Жизнь высшей школы, студенчества и профессуры, не раз привлекала внимание исследователей эпохи нэпа. Стоит выделить работы А.Ю. Рожкова [1] и А.Е. Goruch [6], представляющие собой попытку комплексного рассмотрения жизненного мира учащейся молодежи в советских условиях. Изменения повседневной культуры, адаптации человека к новым условиям, стратегиям выживания посвящены

работы Н.Б. Лебиной [7] и В.С. Измозика [8]. Ряд ученых обратились к исследованию отдельных сторон повседневности и быта молодежи в рассматриваемый период [9–13]. Из работ, посвященных непосредственно Политехническому институту, необходимо отметить труды В.А. Смелова [14] и С.Б. Ульяновой [15, 16].

Методология

Поставленные задачи в нашем исследовании решались на основе использования общенаучных методов (логического и исторического). Также применялся индивидуализирующий метод интерпретации исторических источников, позволивший сконцентрироваться на индивидуальном и субъективном. Кроме того, были использованы методы исторической антропологии, в том числе истории повседневности, в центре внимания которой находятся повседневные дискурсы и практики, и метод case studies, позволяющий провести выборочное исследование проблемы на отдельно взятых примерах и воспроизвести атмосферу события.

Результаты исследования

В рассматриваемый период в Политехническом институте произошел ряд инцидентов, которые получили широкую огласку, так как воспринимались как отражение различных нездоровых настроений и опасных тенденций. Первый из них случился 4 июня 1926 г.: студентка 4-го курса приема 1921 г. кораблестроительного факультета Е. Афанасьева плеснула водой из кружки в лицо декану факультета В.Л. Поздюнину. Причиной стало решение декана о ее переводе во вторую очередь для прохождения плавательной практики. Студентка трактовала это как проявление дискриминации по половому признаку, итог «систематического затирания» ее как женщины. На обращение к декану («И где же тогда равноправие?!») она получила лишь заявление об отсутствии личной неприязни. На следующий день после инцидента состоялось экстренное общее собрание студентов факультета, на котором присутствовало 180 человек. Доклад о случившемся делал член деканата Горбунов. В ходе дискуссий звучали мнения о том, что это сознательное хулиганство, что «подобные факты не могут иметь места в среде пролетарского студенчества» и поступок «объясняется чисто личными мещанскими

мировоззрениями студентки Афанасьевой»¹. На заседании правления института 14 июня Афанасьеву было решено исключить². Студентка решила обратиться с заявлением в исполбюро профсекций ЛПИ, а затем и к уполномоченному Наркомпроса в Ленинграде Б.П. Позерну. В результате дело все-таки решилось в ее пользу: было признано, что дискриминация могла иметь место. Афанасьеву восстановили в качестве экстерна. Данный случай демонстрировал, что, с одной стороны, власть декларировала право женщины на равноправие (в данном случае на то, чтобы стать инженером), но, с другой, делала недостаточно для борьбы с патриархальной моралью и профилактики гендерных конфликтов в стенах вузов.

Одну из причин столь оперативного и жесткого наказания студентка видела в изменении политики в отношении профессуры. Если в начале 1920-х гг. власть не стеснялась использовать «красных» студентов для давления на строптивых ученых, в массе своей критически относившихся к новой власти, то во второй половине десятилетия речь всё чаще шла о гарантировании для профессоров возможности спокойно работать и восстановлении непререкаемости их авторитета. Е. Афанасьева в своем заявлении, в частности, указывала, что «...сейчас курс студенчества по отношению к профессуре направлен в сторону прислушивания к ним в противоположность к прежнему курсу. Но перегибать палку в ту или другую сторону всегда опасно. В данном случае не грозит ли опасность, что при перегибе палки прислушивание может перейти в прислуживание?»³.

Повод вспомнить эти слова мог появиться уже осенью того же года: 18 октября студент 3-го курса экономического отделения Б. Гриневиц подрался с проректором – профессором

В.Е. Мотылёвым [См. подробнее: 15]. Описания события разнятся: так, сам профессор показал, что студент назвал его «нахалом и подлецом»⁴. Гриневиц это отрицал. Основанием для конфликта стал отказ студенту в стипендии Наркомфина из-за низкой успеваемости. Стоит отметить, что при распределении стипендий учитывалась не только успеваемость, но и социальное происхождение, общественная работа и пр. Особенностью конфликта было то, что профессору на тот момент было всего 28 лет, он был выдвиженцем-коммунистом, т. е., с одной стороны, был примерно ровесником Б. Гриневица, а с другой – не входил в корпорацию «старых» профессоров и не мог претендовать на их поддержку. Показательно, что «красное» студенчество вступилось за профессора, тогда как «белоподкладочники» считали несправедливым исключение студента. В итоге обоим участникам конфликта пришлось покинуть институт: поступок Б. Гриневица был однозначно охарактеризован как «хулиганская выходка», он сам – как «хулиганствующий элемент», а профессор подвергся критике за то, что позволил себе стать жертвой «провокации». Таким образом, локальный конфликт являлся прекрасным отражением напряженной ситуации в вузах, где вплоть до 1930-х гг. велась ожесточенная «борьба дореволюционной традиции и советской новации» [Там же. С. 159].

Для усиления борьбы за воспитание подлинно советского студенчества во второй половине 1920-х гг. были вполне объективные причины: увеличилось число хулиганских выходок, случаев пьянства, самоубийств. На эту тенденцию обратил внимание даже нарком просвещения А.В. Луначарский. В своем докладе в Коммунистической академии 13 февраля 1927 г. он признался: «Если хулиганство нечувствительно переходит в уголовщину, то пессимизм нечувствительно приводит к самоубийству. И одно время сильно участвовавшие случаи самоубийства среди вузовцев показали, что действительно такая болезнь существует» [17, с. 15]. Символом упадочничества был объявлен С. Есенин. Поэт-самоубийца (в настоящее время версия о самоубийстве оспаривается), к ужасу власти,

¹ Протокол экстренного общего собрания студентов кораблестроительного факультета ЛПИ им. М.И. Калинина от 5 июня 1926 г. // Центральный государственный архив СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 588. Л. 58.

² Выписка из протокола № 43 заседания правления института от 14 июня 1926 г. (копия) // Там же. Л. 51–51 об.

³ Заявление от студентки ЛПИ Е.Ф. Афанасьевой уполномоченному Наркомпроса Б.П. Позерну // Там же. Л. 46.

⁴ Письмо В.Е. Мотылёва уполномоченному Наркомпроса по вузам Ленинграда от 19.10.1926 г. (копия) // Там же. Л. 61.

пользовался огромной популярностью среди молодежи, стал идейным вдохновителем деградации студенчества.

Сигналом к началу дискуссий о С. Есенине и есенинщине послужила статья Н.И. Бухарина «Злые заметки» 1927 г., явившаяся «залпом» по творчеству поэта: «И все-таки в целом есенинщина — это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из „кобелей“, икон, „сисястых баб“, жарких свечей, березок, луны, сук, господ бога, некрофилий, обильных пьяных слез и „тропической“ пьяной икоты, религии и хулиганства, „любви“ к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на „широкий размах“ (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распущенности, поднятой до „принципиальной“ высоты, и т. д. — всё это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма — вот что такое есенинщина» [18, с. 8]. В творчестве Есенина увидели то упадочничество, которое выражалось в «острой волне хулиганства, доходящего чуть ли не до массовой уголовщины, в унынии, пессимизме, безверии» [17, с. 13]. Многими самоубийство поэта было воспринято как протест против советской власти. Действительно, в 1920–1930-е гг. это был один из способов демонстрации несогласия, который по-настоящему пугал правящую верхушку [19, с. 206–210]. Вряд ли это имело отношение к поэту, но представители власти поспешили заявить, что «антисоветские, контрреволюционные элементы поняли смерть Есенина как протест против советского строя, который будто бы никого не устроил» [17, с. 37]. А критик, главный редактор журнала «Новый мир» В. Полонский заявил: «Упадочничество есть маска контрреволюции, и всякие упадочнические настроения... есть вода на мельницу контрреволюции» [Там же. С. 124].

Стремление контролировать жизнь молодежи приводило и к явным перегибам. Претензии к студентам могли предъявляться по всем возможным поводам — столь ревностно государство следило за их душевным здоровьем и классовой сознательностью. Хулиганами могли назвать тех, кто не сдал книги в библиотеку [10], мещанами — любителей носить галстуки или пользоваться косметикой, а предпочтение танцевать самый модный танец фокстрот и ходить

в кино участию в общественной и комсомольской работе трактовалось как опасная мелкобуржуазность [20].

На местах парторганизации и коллективы должны были как-то включаться в подобные кампании. Желательно — достаточно шумно. Ленинградский политехнический институт не стал исключением. Сначала там был обнаружен «клуб сумасшедших». Шесть студентов-электрохимиков 3-го и 5-го курсов, трудившиеся в лаборатории технической электрохимии, на досуге, помимо игры в шахматы и различных интеллектуальных игр, любили заниматься тем, что обычно называют мальчишеством и дурачеством. Например, они вели разговор на различных условных языках, создали «клуб сумасшедших», члены которого должны были совершать нелепые поступки: курить несколько папирос сразу, говорить об обыденных вещах сугубо научным стилем, здороваться «по-китайски» и т. п. На деятельность «клуба» никто не обращал внимания до тех пор, пока ребята не задумали провести конкурс красоты. Это уже не забава, а явный признак разложения. Оценивать женщину как товар или скотину — удел разлагающегося Запада. В итоге студенты признали, что заслуживают товарищеского осуждения, отметив, что с их стороны «наблюдалась известная оторванность от общественной жизни института, в результате чего явились наши мальчишества и дурачества, за что мы несем полную моральную ответственность» [21, с. 40].

Другой случай связан с письмом студента-старшекурсника А. Юрова. Начавшуюся затем внутриинститутскую кампанию по борьбе с упадочничеством и мещанством позднее назвали «юровщиной». Как справедливо отмечает А.Ю. Рожков, «такими хлесткими маркерами большевистские идеологи пытались приписать действиям отдельных лиц <...> совершивших какие-то девиантные с точки зрения коммунистической системы поступки, статус социальных явлений, возведенных в ранг типичных» [1, с. 243].

Вполне возможно, что студента Юрова не существовало (нам не удалось найти его в списках учащихся) и что письмо, якобы написанное им и принесенное его товарищами (хороши товарищи!) в редакцию институтской газеты, всего лишь искусно созданный апокриф.

Согласно легенде, Юров — человек искренний, увлекающийся, храбрый, участник Гражданской войны. Он «быстро загорался и работал энергично, забывая обо всем, но в минуты усталости и неудач у него быстро опускались руки»⁵. Точно так же и в институте не всё шло так гладко. Во время его работы в факультетских организациях периоды активности сменялись периодами апатии и пессимизма. Времена героики закончились, наступили трудовые будни, «требующие воли и большой выдержки», которых у романтика Юрова не было. При публикации письма редакция газеты предупредила: «Юровы нам не опасны. Письмо не сигнализирует об опасности. Но „юровщина“, в какой бы форме она ни проявлялась, может вредить выковыванию нашего пролетарского самосознания. Этому вреду мы должны дать и дадим самый решительный отпор»⁶.

В начале письма Юров жаловался другу на бессонницу, на то, что «усталое тело требует отдыха, а возбужденный долгой работой мозг не успокаивается...»⁷ Вспомнив Гражданскую войну, он отмечал, что с тех пор многое поменялось: «В восемнадцатом году не про нас ли Комиссар сказал: „У этих ребят не нервы, а тросы стальные“? Тросы превратились в мочалу, разъедена сталь плесенью». Врачи советовали Юрову отдыхать, но когда, если «надо заниматься часами по 12–14 в сутки», а очереди на экзамены «громчайшие, как в 19 году за хлебом»? Раньше его спасала общественная работа: «пять лет была она моим отдыхом, источником моих сил». Теперь же никакой работы в институте не было: «Имеется переливание из пустого в порожнее, бесчисленные, с многочасовой говорильней, никому не нужные собрания, механическое отбывание различных повинностей, регистрации, перерегистрации...» И жить ему приходилось на 25 рублей в месяц без возможности подработать. Тоска и пессимизм, разочарование в жизни наложили отпечаток на отношение Юрова к досугу: «Развлечения тоже требуют денег и времени. В Институте развлечения не найдешь: устраиваются вечера с танцами (эти „удовольствия“

ведь не для нас). В театр — дорого, льготный билет достать трудно (билетов мало, а нас много). И вот когда бывают деньжата, то соберешься где-либо с приятелями в комнатухе или пойдешь в какой-нибудь „Бар“ и напьешься с горя. Противно потом...

Без женщин, Митюха, тоже не проживешь. Тянет, грешным делом. Но как вспомнишь свои дела, самого себя презираешь. На словах мы все хороши: „Женщина — друг, товарищ“. А на деле...

Наши студентки в большинстве еще „кисейновидные“ существа, за которыми надо поухаживать, в театр сводить... От разговора с ними стошнить может. За „стоящими“ увиваются сотнями. Следовательно, на это дело опять нужно время, а его жалко... И если уж дорвешься до какой-либо, то тут не до „товарищества“, а как бы поскорей подмять и удовлетворить свою похоть. Случалось, по пьяной лавочке, и „живым товаром“ пользоваться... Противно, мерзко...» Оглядывая свою жизнь за последние несколько лет, Юров признавался, что ему становится жутко. Ему хочется освободиться от этого: «Сгореть в огне революционной работы, погибнуть в пылу созидательно-творческой работы, положить голову на „поле брани“ — согласен, но медленно погибать от „плесени“ — не согласен, не желаю, лучше смерть.

И тянется, в такие моменты, рука к револьверу...»⁸

М. Рафаил, с 1926 г. редактор «Ленинградской правды», подробно проанализировавший оба вышеописанных случая есенинщины, полагал, что партии и общественности, несмотря на, казалось бы, незначительность событий, не стоит терять бдительность: «Исполбюро признает, что студенты были оторваны от широкой общественности, но не может быть речи об идейном и моральном разложении. Согласимся на минуту с комиссией исполбюро. Но как тогда объяснить такие странные развлечения, что понимать под упадничеством? Если кто-нибудь напишет письмо, что посещает „Бар“, зубрит уроки, не отдыхает, оторван от общественности, — то это упадничество, а если не один, а группа студентов признает в печати факты, изложенные в заявлении шести сту-

⁵ Недовольные жизнью. Упадочников — в штывки! // Товарищ. 1928. 14 февраля. № 9 (67).

⁶ Там же.

⁷ Письмо студента Юрова // Товарищ. 1928. 14 февраля. № 9 (67).

⁸ Там же.

дентов, — то здесь нет элемента упадничества? „Клуб сумасшедших” ликвидирован благодаря вмешательству общественных организаций, но заразительная затея могла привлечь других студентов. Оригинальный способ отдыха, на который нужно тратить в несколько раз больше сил, чем на занятия!» [21, с. 40–41].

Подобную резкую позицию разделяли далеко не все. Часть партийных функционеров была склонна искать объективные причины распространения аморального поведения. В первую очередь речь шла о тяжелом материальном положении студенчества. К. Радек считал, что оно лежит в основе упадничества [См.: 17, с. 115]. Писатель Л. Леонов задавался вопросом: зачем так много вузов в стране (только на Украине столько же, сколько во всей Германии)? И это при том, что они концентрируются в больших городах: «Целесообразно ли держать колоссальное количество людей в Москве и Ленинграде в плохих жилищных условиях, которых можно без ущерба держать в других городах?» [Там же. С. 109]. Известный публицист Л.С. Сосновский полагал, что «...мы замордовали политграмотой нашу молодежь. <...> И от этого замордования вдруг раскрыть книжку Есенина, где говорится о человеческих чувствах, о любви, о горе, где плачут и смеются, где какие-то человеческие звуки есть! Товарищи, ведь это же всё равно что из погребка с прокисшей капустой выйти на весенний воздух. И поэтому успех Есенина среди нашей молодежи понятен» [Там же. С. 69]. Как бы то ни было, на местах руководство предпочитало решать проблемы путем организации очередной кампанейщины, непродуманность и непоследовательность которой могла доходить до навязывания студентам инверсных суждений, перевода обсуждения реальных причин

«девиаций» в область агрессивных дискуссий о мелкобуржуазных пережитках и т. п.

Заключение

Рассмотренные выше случаи, произошедшие в стенах ЛПИ, представляли реальную опасность для культурного строительства только в глазах писавших о них современников. Стремление талантливых людей быть не такими, как все, объективное недовольство условиями быта, нищетой, бюрократией и снобизмом профессоров было очень удобно представить как попытку вылазки классового врага, хулиганство, упадничество или мещанство. Показательно следующее: несмотря на уверения редакции институтской газеты, что у нее «есть специальная полка „юровщины”» и «она пухнет от материала», а также что лозунг «Упадничество — в штыки!» был поддержан и развернул горячие прения на собраниях, кампания почти моментально затухла. Она показала, что власть на местах связывала мещанство и упадничество с традиционными девиантными формами досуга — пьянством, проституцией и пр., т. е. предпочитала обвинять студентов, а не улучшать их уровень жизни. Случай с Е. Афанасьевой, в свою очередь, продемонстрировал не только отсутствие равноправия между студентами — юношами и девушками, но и нежелание институтского правления серьезно заниматься решением этой проблемы. Одновременно он показал последствия начала восстановления авторитета профессуры, чья позиция в случае конфликтов априори считалась заслуживающей большего доверия. Драка «белоподкладочника» с «красным» профессором, при всем ее отличии от случая Афанасьевой, подтвердила эту тенденцию, направленную на жесткое регулирование поведения студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. 2-е изд. М.: Новое лит. обозр., 2016. 640 с.
2. Стребкова Н.В. Коммунистическое студенчество как главная опора власти в пролетаризации вузов в 1920–1930-е гг. // Вопросы науки. 2014. № 2. С. 55–61.
3. Тарасенко В.Н. Высшая школа и студенчество в эпоху нэпа // Бизнес и дизайн ревю. 2017. Т. 1, № 4 (8).
4. Сидорчук И.В. Технократическая утопия и буколическая реальность: большевики, техника и

общество 1920-х гг. // Истор., филос., полит. и юр. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 179–183.

5. Ульянова С.Б. Социализм как индустриальная мечта (Массовые представления о социализме в советском обществе в 1920-е гг.) // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте: колл. моногр. / под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой. СПб.: Астерион, 2017. С. 7–11.

6. **Goruch A.E.** Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2000. 274 p.
7. **Лебина Н.Б.** Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое лит. обозр., 2015. 488 с.
8. **Измозик В.С., Лебина Н.Б.** Петербург советский. «Новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. СПб.: Крига, 2016. 248 с.
9. **Gorsuch A.E.** “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928 // *Slavic Rev.* 1996. Vol. 55, no. 3. Pp. 636–660.
10. **Конесны Р.** Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–1938 // *J. of Social History.* 1996. Vol. 30, no. 1. Pp. 97–128.
11. **Gooderham P.** The Komsomol and Worker Youth: The Inculcation of “Communist Values” in Leningrad during NEP // *Soviet Studies.* 1982. Vol. 34, no. 4 (October). Pp. 506–528.
12. **Harshman D.R.** Cooking up a New Everyday: Communal Kitchens in the Revolutionary Era, 1890–1935 // *Revolutionary Russia.* 2016. Vol. 29, no. 2. Pp. 211–233. DOI: 10.1080/09546545.2016.1243616.
13. **Hudson D.** “A woman so curiously fear-free and venturesome”: Eleanor Franklin Egan reporting the Great Russian Famine, 1922 // *Women’s History Rev.* 2017. Vol. 26, no. 2. Pp. 195–212. DOI: 10.1080/09612025.2016.1181334.
14. **Смелов В.А.** Политехнический институт: тридцатые годы. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 355 с.
15. **Ульянова С.Б.** К вопросу о взаимоотношениях студентов и профессоров в Ленинградском политехническом институте в 1920-е гг. // С.-Петербург. гос. политехн. ун-т в истории России XX – начала XXI в. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 148–160.
16. **Ульянова С.Б.** Петроградский политехнический институт накануне и в период Революции 1917–1922 гг. // Наука и техника: вопросы истории и теории: матер. XXXVIII Междунар. годичной науч. конф. С.-Петербург. отд-я Рос. нац. ком-та по истории и философии науки и техники РАН. СПб., 2017. С. 83–87.
17. **Луначарский А.В.** Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М., 1927.
18. **Бухарин Н.** Злые заметки. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.
19. **Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН. 336 с.
20. **Сидорчук И.В.** Мода и ее связь с культурными девиациями в советской повседневности и пропаганде 1920-х годов // *Костюмология.* 2018. № 3. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/08IVKL318.pdf> (дата обращения: 1.09.2018).
21. **Рафаил М.** За нового человека. Л., 1928.

Сидорчук Илья Викторович
E-mail: chubber@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 24.09.2018 г.

REFERENCES

- [1] **A.Ju. Rozhkov,** V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov [In the circle of peers: the Life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 2016.
- [2] **N.V. Strebkova,** [Communist students as the main pillar of power in the proletarianization of universities in the 1920s–1930s], *Voprosy nauki*, 2 (2014) 55–61.
- [3] **V.N. Tarasenko,** [High school and students in the era of NEP], *Business and design rev.*, 1 (4) (8) (2017).
- [4] **I.V. Sidorchuk,** [Technocratic utopia and bucolic reality: Bolsheviks, technique and society of the 1920s], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 8 (82) (2017) 179–183.
- [5] **S.B. Ul'yanova,** [Socialism as an industrial dream as an industrial dream (Mass ideas of socialism in the Soviet society in the 1920s)], in: *Kontury budushchego: tekhnologii i innovatsii v kul'turnom kontekste* [Contours of the future: technologies and innovations in the cultural context. Monogr.], Asterion, St. Petersburg, 2017, pp. 7–11.
- [6] **A.E. Goruch,** Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Indiana Univ. Press, Bloomington, 2000.
- [7] **N.B. Lebina,** *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From military communism to great style], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 2015.
- [8] **V.S. Izmozik, N.B. Lebina,** Peterburg sovetskij. «Novyy chelovek» v starom prostranstve. 1920–1930-e gody [The Petersburg Soviet. “New man” in the old space. 1920–1930s], *Kriга*, St. Petersburg, 2016.

- [9] **A.E. Gorsuch**, “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928, *Slavic Rev.*, 55 (3) (1996) 636–660.
- [10] **P. Konecny**, Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–1938, *J. of Social History*, 30 (1) (1996) 97–128.
- [11] **P. Gooderham**, The Komsomol and Worker Youth: The Inculcation of “Communist Values” in Leningrad during NEP, *Soviet Studies*, 34 (4) (October) (1982) 506–528.
- [12] **D.R. Harshman**, Cooking up a New Everyday: Communal Kitchens in the Revolutionary Era, 1890–1935, *Revolutionary Russia*, 29 (2) (2016) 211–233. DOI: 10.1080/09546545.2016.1243616.
- [13] **D. Hudson**, “A woman so curiously fear-free and venturesome”: Eleanor Franklin Egan reporting the Great Russian Famine, 1922, *Women’s History Rev.*, 26 (2) (2017) 195–212. DOI: 10.1080/09612025.2016.1181334.
- [14] **V.A. Smelov**, Politekhnicheskiy institut: tridtsa-tye gody [Polytechnic Institute: 1930s], Izd-vo Politekh-nicheskogo Univ., St. Petersburg, 2008.
- [15] **S.B. Ul’yanova**, [To the question of the relationship of students and professors in the Leningrad Polytechnic Institute in 1920s], in: *St. Peterburgskiy gosudarstvennyy politekhnicheskiy universitet v istorii Rossii XX – nachala XXI v.* [St. Petersburg state Poly-technic University in the history of Russia of XX – beginning of XXI century], Izdatel’stvo Politekhnicheskogo Univ., St. Petersburg, 2013, pp. 148–160.
- [16] **S.B. Ul’yanova**, [Petrograd Polytechnic Institute on the eve and in the period of the Revolution of 1917–1922], in: *Nauka i tekhnika: voprosy istorii i teorii* [Science and technology: questions of history and theory. Proc. of the XXXVIII Intern. annual scientific conf. of the St. Petersburg branch of the Russian national Committee on history and philosophy of science and technology RAS], St. Petersburg, 2017, pp. 83–87.
- [17] **A.V. Lunacharskiy**, Upadochnoe nastroyenie sredi molodezhi. Eseninshchina [Decadent mood among young people. Eseninshchina], Moscow, 1927.
- [18] **N. Bukharin**, Zlye zametki [Evil notes], Moscow, Leningrad, 1927.
- [19] **Sh. Fitspatrik**, Povsednevnyy stalinizm. Sotsial’naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city], ROSSPEN, Moscow, 2008.
- [20] **I.V. Sidorchuk**, [Fashion and its relationship with cultural deviance in everyday life and Soviet propaganda of the 1920s], *Kostyumologiya*, 3 (2018). Available at: <https://kostumologiya.ru/PDF/08IVKL318.pdf> (accessed 1.09.2018).
- [21] **M. Rafail**, Za novogo cheloveka [To a new man], Leningrad, 1928.

Sidorchuk Il’ya V.

E-mail: chubber@yandex.ru

Received 24.09.2018.